УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 149, кн. 4 Гуманитарные науки *2007*

УДК 82.09

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ СИБИРИ

Ф.С. Сайфуллина

Аннотация

В данной статье исследуется своеобразие восприятия традиционной для татарской литературы картины мира в творчестве современных сибирско-татарских поэтов Булата Сулейманова и Шауката Гадельши.

60-е годы XX столетия, к которым относится начало творческой деятельности Булата Сулейманова (1938–1991, родился в деревне Супра Вагайского района Тюменской области), характеризуются духовным раскрепощением человека и определенным оживлением в литературе, особенно в поэзии. Творчество сибирско-татарского поэта является колоритным отражением поэтических тенденций данного периода, своеобразным проявлением феномена творческого взлета 60-х годов.

Сибирский хронотоп в раннем творчестве Б. Сулейманова представлен в двух своих ипостасях: летней и зимней. «Зимний» вариант сибирского пейзажа в его поэзии восходит к традиционному для европейской словесности образу северной земли: по обыкновению, этот образ неизменно связывался с холодом, буранами, пургой, недостатком света. Сибирь здесь характеризуется как «Караңгылык хакимлеге, Иксез – чиксез кар иле бу…» («Царство темноты,/ Это – страна бескрайних снегов…»), где «Даламени, Җәйрәп ята, Ник очрасын хет бер агач. Яңа туган бала кебек, Бу кар иле – шыр ялангач» («Как будто степь/ Лежит, раскинувшись,/ Не встретишь ни одного деревца./ Словно новорожденный ребенок,/ Это снежная страна/ – совершенно голая») («Төньяк. Тундра» («Север. Тундра») [1, с. 29]. Ключевыми образами для данного контекста становятся «бескрайние снега», «пустые дали», «злые ветры», «оловянное небо», которые формируют лик сибирской земли как пространства сумрачного, безжизненного, унылого. Вместе с тем, в стихах поэта неизменно присутствует некий героический образ, победивший эти природные условия и создающий новые города, при прикосновении которого, «Словно Эйфель, из болота/ Буровые вырастают» [1, с. 24]. Поэт как бы робеет перед мощью родной природы и в то же время восторгается удалью строителей.

К концу 1970-х годов Б. Сулейманов отходит от чисто пейзажной, натуралистической лирики, его начинает больше интересовать сам человек, он все чаще обращается к описанию душевного состояния личности. При этом усиливается психологический анализ в раскрытии внутреннего мира лирического

героя, и тем самым достигается философская глубина поэтической мысли. В стихотворениях этого периода поэт меньше прибегает к обобщениям, изображая переживания, думы, чаяния конкретного человека, отдельные мгновения его психологического состояния. На данном этапе творчества в собственно лирических стихах Б. Сулейманова в центре внимания оказывается лирическое «я», что связано с общим характером его поэзии, которая отличается субъективностью.

В пейзажной лирике поэт чуток и тонок в описании окружающей природы, от восторженного восприятия которой он переходит к оценке всего живого вокруг себя, становясь сентиментальным. Здесь появляется «весенне-летний» и, чуть позже, «осенний» облик сибирского ландшафта, полного света, тепла и ярких красок. Преображается в стихах Б. Сулейманова и зимний пейзаж, в котором также появляется много света: «Челтәр-челтәр ап-ак карлар ява,/ Ап-ак карлар күкнең иңендә» («Как паутинки падают белые-белые снега,/ Белые-белые снега на всем небосводе») [1, с. 102].

С годами к поэту приходит иное понимание задач поэзии. В творчестве Б. Сулейманова проявляется духовная близость поэта со своим народом, приходит новое осознание понятия родины. Оно приобретает совершенно конкретное, определенное содержание: это та земля, где ты появился на свет, тот клочок земли, где похоронены твои предки, та земля, где живет твой обездоленный народ. Родина в творчестве автора ассоциируется с образом матери, отчим домом, детской колыбелью. Он осознает, что любовь к окружающей природе может проявиться только в бережном к ней отношении.

На путь, проложенный в татарской литературе в 60-е годы Булатом Сулеймановым, в 70-е годы встает талантливый и своеобразный поэт Шаукат Гадельшович Сибгатуллин (родился в 1949 году в селе Киндери Нижне-Тавдинского района Тюменской области). В современной татарской поэзии он известен под именем Шаукат Гадельша (Гадельша – имя отца поэта, с татарского дословно «справедливый»). Ш. Гадельша нашел свою нишу в истории многовековой татарской поэзии, он признан одним из неповторимых, интересных, своеобразных поэтов современности. В татарской критике ему уделяется особое, пристальное внимание как представителю долгожданной сибирско-татарской поэзии, который в новых условиях продолжает традиции Булата Сулейманова.

Судьба поэта тесно переплелась с культурным центром татарского народа – Казанью. Лирический герой Ш. Гадельши размышляет о своей непростой судьбе, поскольку он вынужден разрываться между двумя дорогими ему городами – Тюменью и Казанью. Его лирический герой чувствует неловкость от того, что живет вдалеке от мест, где появился на свет. Поэтому, в отличие от поэзии Б. Сулейманова, в творчестве Ш. Гадельши чувство тоски героя по родным краям почти всегда сопровождается чувством вины перед ними: «Авылдашларым җылым тарта,/ Күл буенда җыйналып,/ Кулларымны тыгып кесәгә,/ Читтә торам оялып…» («Земляки тянут невод,/ У озера собравшись (вместе),/ Руки пряча в карманах,/ Стою в стороне, стесняясь») [2, с. 36]. Лирический герой Ш. Гадельши живет в постоянной внутренней борьбе: он тоскует по родным местам, переживает за истерзанную природу, хочет вернуться сюда, но в то же время он осознает, что возврата к прошлому нет, поэтому не осмеливается ни

подать руки аксакалам, живущим до старости лет своим трудом, ни погладить по головке голубоглазых детишек, играющих на зеленой траве. Ведь он для них стал чужим, он – приезжий человек, городской житель: «Нишләргә? Куллар шома, хәлсез,/ Үлгән чабак төсендә./ Шундый куллар белән кайтканны/ Монда халык чит итә.» («Как же быть? Руки гладки, бессильны,/ Цвета мертвого карася./ Приехавших с такими руками/ Здесь народ считает чужими») [2, с. 36].

Характерная для его поэзии душевная боль, тревога лирического героя за истерзанную природу Сибири и чувство неловкости от того, что ни помочь, ни изменить ничего в этой ситуации он не может, составляют новые грани поэзии Ш. Гадельши в выражении отношений «человек – природа». Творчество Ш. Гадельши воспринимается как философское воззрение старца, аксакала, умудренного жизнью. На первый взгляд, его лирический герой кажется простым, по-детски наивным. Но подтекст, присутствующий во многих его стихах, заставляет читателя задуматься о роли каждого человека в судьбе родного края, обо всем ушедшем и потерянном безвозвратно.

Пейзажная лирика является основной как в творчестве Б. Сулейманова, так и в поэзии Ш. Гадельши. Данное гуманистическое направление, веками формировавшееся в татарской литературе, с новой силой раскрылось в 60–70-е годы XX столетия. Отношение исследуемых поэтов к природе разное, и к выражению своих переживаний и чувств через образы пейзажа каждый автор приходит по-своему. Главными объектами образной системы в их пейзажной лирике являются тайга (у Б. Сулейманова), лес (у Ш. Гадельши) как всеобъемлющие, собирательные образы природы Сибири, а также составляющие их многочисленные образы из мира растений и животных. Любовь ко всему близкому (природе, земле, народу) занимает центральное место в произведениях данных поэтов в течение всей творческой деятельности. Эти понятия являются основными, несущими огромную смысловую нагрузку.

В творчестве Б. Сулейманова преобладает чувство тоски по бескрайней тайге. Возвратившись во сне к родному порогу, его лирический герой находит душевное успокоение. «Тоска по родной земле,/ Наверное, настолько велика,/ что во сне я вернулся/ в родные края»,– пишет он в одном из стихотворений. Лирический герой представляется читателю умудренным жизненным опытом мужчиной, который медленными шагами идет по родным улочкам, вспоминая годы своего детства, близких сердцу людей. При описании родной деревни автор использует такие выражения, как «туган нигезем» («родные корни»), «туган йортым» («отчий дом»), «бишегем» («колыбель моя»), «бабаларым яткан җир» («место, где покоятся прадеды»). Его стихи созвучны с рассказами известного татарского писателя Амирхана Еники, мастера таких психологических произведений, как «Туган туфрак» («Родная земля»), «Җиз кыңгырау» («Медный колокольчик») и др.

Образы птиц в большинстве случаев в творчестве поэтов используются как символы. В выражении чувств, психологического состояния лирического героя в творчестве Б. Сулейманова часто встречается собирательный образ «кошлар» – «птицы». В его стихотворениях доминирует образ белого лебедя, который в

поэзии сибирско-татарского поэта приобретает символическое значение и становится бессменным атрибутом красоты родного края поэта – Сибири.

Поэт Ш. Гадельша внес определенную новизну в изображение родной природы, тесно связав пейзажную лирику с философской. Поэт расширяет возможности использования образов природы, наполняя их новым содержанием. В образах животных в поэзии Ш. Гадельши воплощается идея материнства. Особое значение имеет образ оленя. Стихотворения Ш. Гадельши, изображающие образы животных, – это кодекс народной морали, в соответствии с которой смерть каждого животного – это прекращение жизни вообще. В таких стихах поэта сквозным мотивом проходит тревога за лес, так как он является домом для всего живого. В стихотворениях «Сагая карт урман» («Остерегается старый лес»), «Элек тә бит, самолетлар очса…» («И раньше, когда пролетали самолеты»), «Урманнарга кабам» («Зажгу леса»), «Заман агачлары» («Современные деревья») и др. лес выступает как единое целое, а деревья, птицы, звери – его составляющие. Сожженный лес с его животным миром для автора соотносим с погубленной жизнью. Таков основной мотив стихотворения «Поши аткач» («После охоты на лося»): «Шундый салкын. Нарат шартлый./ Эт селәгәе боз булган./ Җан чыгарып яткан поши/ Җылысына сыенам» («Так холодно. Сосна трещит./ Слюна собаки превратилась в лед./ На последнем издыханье лось/ – Прижимаюсь к его теплу») [2, с. 81]. Лирический герой рассуждает о том, кто же он сейчас Охотник? Убийца? С такими вопросами он обращается ко Вселенной и здесь ловит себя на том, что, сам того не осознавая, обращается к Аллаху, хотя раньше и не считал себя верующим.

«Карт аучылар сөяк чаба – / Өлешләргә бүләләр./ Итне түгел, гуя күчләп/ Гөнаһларын өяләр» («Старые охотники рубят кости/ – Делят на доли./ Не мясо, кажется, в кучи/ Складывают – свои грехи», – продолжается рассуждение лирического героя. Осознавая греховность охотничьего ремесла, герой Ш. Гадельши все же подчиняется закону самосохранения. Но день не становится теплей, так же трещит сосна, внизу – белесый туман, и лирическому герою кажется, что за пригорком, настреляв много, снимают шкуры лосей.

Таким образом, поэт развил в современной татарской поэзии тему Сибири, которая раскрывается через ряд мотивов. Один из них – мотив охоты и охотника. В таких стихотворениях, как «Йөз яшьлек аучы» («Столетний охотник»), «Аучы зары» («Жалоба охотника»), «Аучы җыры» («Песня охотника»), перед читателем открывается необычный, экзотический мир леса, создается несколько чуждый для нашей поэзии образ охотника – защитника лесов и животного мира.

Некоторые стихи Ш. Гадельши («Менә монда болан ауган» («Вот здесь пал олень»), «Башын чуртан судан сонган…» («Из воды щука высунула голову…»)) приближают его взгляды к мировоззрению экзистенциализма, где особенное отношение лирического героя к смыслу жизни подводит к идее о ее бессмысленности, враждебности по отношению к человеку.

В стихах Ш. Гадельши, которые можно отнести к пейзажной лирике, скрыт философский смысл. Стихотворения «Болан күзе» («Олений глаз»), «Болан баскан эзләргә» («На следы оленя»), «Кинәт кенә купты давыл» («Очень резко поднялся вихрь»), «Сорап куйгалый иде…» («Иногда спрашивал…»), «Күл йөрәге» («Сердце озера»), «Карчык зары» («Жалоба старухи») являются отра-

жением философских размышлений поэта о смысле жизни. Пустота и оглушающая Тишина в стихах Ш. Гадельши противопоставляются Жизни, Красоте, Надежде: даже смерть по сравнению с этими понятиями кажется естественнее.

Сибирский топос, представленный в стихотворениях поэтов, приобретает разнообразные смысловые оттенки. Одна из особенностей лирики Б. Сулейманова и Ш. Гадельши – не только олицетворение пространственных образов, но и включение их в систему субъектных отношений. Кроме того, конкретизируя пространство лирического переживания, поэты указывают на связь поэтического образа с реальным топосом – Сибирским краем, который является значимой координатой, как в жизни самих поэтов, так и в переживаниях их лирических героев.

У Б. Сулейманова топос выносится в сильную позицию, т. е. в заглавие произведения. Примерами могут служить стихотворения «Сопра» («Супра» – название родной деревни автора), «Тобол» («Тобольск»), «Түбән Варта» («Нижняя Варта»), «Обьта боз киткәндә» («Ледоход на Оби»), «Самотлорда җәй уртасы» («Середина лета в Самотлоре»), «Төнъяк, тундра» («Север, тундра»), «Салехардка килгәч» («По приезде в Салехард»), где проявляется авторское отношение к некоторым сибирским городам и селениям, которые так или иначе оставили свой след в судьбе поэта. Очень часто в стихах Б. Сулейманова встречается использование топоса «Сибирь», тем самым воссоздается собирательный образ родного края: «Ты родилась в моем сердце,/ до того как меня родила моя мать./ Сибирь, Сибирь, ты единственная на земле,/ Кто достоин моей любви». Или же: «Не говорите/ о моей Сибири:/ «Раньше была проклятой землей»/. Пусть это так,/ Поймите,/ Это моя родная земля,/ О, родная!» [1, с. 48].

В отдельных стихах топос Сибири конкретизируется: появляются названия больших и малых городов и деревень, которые связаны с биографией поэта. Так, в стихотворении, посвященном родной деревне Сопра, автор перечисляет сибирско-татарские деревни, такие, как Баеш (Баишево), Рәнцек (Ренчики), Киндерле (Киндери), утверждая, что корни его народа здесь, в названиях этих деревень хранится древняя история татарского народа.

В произведениях другого поэта, Ш. Гадельши, топонимы выносятся в сильную позицию реже. Например, в стихотворении «Нинди Төмән?» («Какая Тюмень?») топос «Тюмень» не только использован в названии, но и как эпифора повторяется в каждой строчке стихотворения: «Свободная Тюмень!/ Задумчивая Тюмень!/ Щедрая Тюмень!/ Быстрая Тюмень!/ Моя Тюмень – ворота родного края». Данные строки созвучны с тукаевским «Пар ат» («Пара лошадей»), где прославляется город Казань. Многократный повтор топоса в сочетании с разными определениями-эпитетами показывает, насколько близок автору этот город. Сибирь воспринимается поэтом не только как географическое название, она является колыбелью его родного народа.

В творчестве поэтов в характеристике топоса Сибири намечен ряд пространственных оппозиций. Во многих стихах Сибирь, как «свое», противопоставляется «чужому», т. е. другим местностям. Особенно выделяется противопоставление Сибирскому топосу топонимов Татарстана. Это связано с тем, что, во-первых, Казань воспринимается поэтами как литературная столица, а во-вторых, судьбы обоих поэтов так или иначе связаны с Казанью.

В творчестве Б. Сулейманова стихи, посвященные Казани, занимают особое место, так как мечта стать поэтом, стремление войти в мир татарской литературы связаны именно с этим городом. Целый цикл стихов посвящен этой земле, где топос выведен в сильную позицию: «Казан» («Казань»), «Иделдә» («На Волге»), «Күптәнме җәй иде Казанда» («Давно ли было лето в Казани»), «Күренми шул Себер Казаннан» («Да, не видна Сибирь из Казани»), «Казаннан китәр алдыннан» («Перед тем, как уехать из Казани»), «Казанда яз» («В Казани весна») и многие другие. В них отражается восхищение поэта столицей татарской культуры, чувство причастности к ней, но вместе с тем в душе лирического героя всегда хранится образ родного края.

Такую же смысловую оппозицию топосов «Казань» и «Сибирь» можно проследить и в творчестве поэта Ш. Гадельши. Например, в стихотворении «Пышылдый Себердә» («Шепчет в Сибири») посредством анафоры выражено противопоставление двух топосов: «Шепчет в Сибири/ Камыш озера Бурэн:/ – Поспешил, поспешил…/ Шепчет в Казани/ Камыш озера Кабан:/ – Ошибся, ошибся…» [1, с. 42]. Иногда в творчестве Ш. Гадельши (например, в стихотворении «Ике халәт» («Два состояния»)) используется топос «Казань», оформленный в тексте уже в словосочетании «моя Казань», которое указывает на то, что в душе лирического героя произошли некоторые изменения, он уже воспринимает Казань своей, родной.

В стихах Ш. Гадельши также проявляется оппозиция «родина» – «место проживания». Обращение к родовой памяти, наполнение событий настоящего вневременным смыслом проясняет значимость родины, глубину смысла, заложенного в данном понятии. В стихотворении «Язмышымның дәрьясы» («Широта судьбы моей») посредством использования топосов автор заявляет: «Широта судьбы моей – это расстояние между Казанью и Тюменью». Топосы «Казань» и «Тюмень» здесь имеют значение ограничения местности, так как это два очень значимых, самых главных для поэта города.

Таким образом, пространство Сибирского края, его географический ландшафт, историческая судьба сибирско-татарского народа наложили свой отпечаток на формирование особого смыслового топоса в поэзии Б. Сулейманова и Ш. Гадельши.

В стихотворениях этих поэтов неотъемлемым внутренним свойством является историзм, который в литературоведении рассматривается как художественное осмысление конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также ее неповторимого облика и колорита.

Прослеживая творческий путь Б. Сулейманова, нетрудно уловить ту особенность, что во многих стихах последних лет его лирический герой полон философских размышлений об участи своего народа, его прошлом, настоящем и будущем. Подобные стихи поднимают его творчество на высоту известных национальных поэтов, таких, как Х. Туфан, С. Хаким, Г. Афзал, И. Юзеев, Р. Файзуллин. В последние годы он пишет также публицистические статьи о самоопределении народа, сохранении языка как основного признака нации, проблемах национального образования в регионе.

Стремление глубже понять современные проблемы приводит Б. Сулейманова к изучению прошлого своего народа, оценке его роли и места в истории

человечества. В этом плане интересно стихотворение «Мин төп себер татарымын чыгышым белән…» («Я коренной сибирский татарин по происхождению…»), где отражается жизненное и творческое кредо поэта и общественного деятеля Б. Сулейманова. Он утверждает, что сибирские татары – коренные жители Сибири, с этой мыслью связана основная идея его творчества и идеалы в общественно-политической деятельности.

Мысли о настоящем и будущем народа поэт также связывает с уже ушедшими в историю событиями, таким образом в его стихах появляются исторические аналоги. Для Б. Сулейманова историческая Сибирь ассоциируется с каторгой, местом отбывания срока лишения свободы. Сравнивая царскую Россию с современной Сибирью, автор выявляет лучшие стороны сегодняшних достижений. Исторический хронотоп в творчестве поэта раскрывается также в тесной связи с сибирским топосом. Так, в стихотворении «Тобол», в частности обращаясь к городу Тобольску, поэт пишет, что «До октября в России/ Славился своими тюрьмами/ Старый Тобольск…»; «Когда через тебя в тихую Сибирь,/ проходили декабристы/ Кровь их здесь пролилась…»; «А ты, Тобольск,/ Кажется, вырос/ Из земли, где покоятся каторжане». Оппозиция «прошлое – сегодняшнее» в этом случае служит для положительной оценки современности: новостроек, красивого вида города, счастливой жизни горожан.

Раскрывая противоречия сегодняшней жизни, Б. Сулейманов нередко обращается к историческому прошлому. В стихотворении «Әйтмәгез Себерем хакында» («Не говорите о моей Сибири») описывается состояние души лирического героя, который погружается в философские раздумья о прошлом.

В стихах многих современных поэтов часто упоминается государство Булгар и одноименный город как святые места для тюркских народов. В этом отношении и творчество Б. Сулейманова не является исключением. Размышления его лирического героя у развалин Великих Булгар связаны с историей, воскрешением великого прошлого, он приходит к выводу о том, что у всех тюркских народов общие корни. Такие стихи, как «Иделдә» («На Волге»), «Уйный җилләр нинди кылларда» («Играют ветры на каких струнах»), созвучны с тукаевским «Кичке азан» («Вечерняя молитва») и некоторыми стихами Г. Афзала, М. Шабаева, И. Юзеева, Р. Хариса. Можно отметить, что образ родного края объединяет в единое целое разные чувства и мысли поэта: идеи патриотизма, сплочения народов, ответственности, которые в конечном счете в творчестве Б. Сулейманова выливаются в философскую и эстетическую концепцию.

Во многих стихотворениях Ш. Гадельши как роковое время расценивается потеря сибирскими татарами своей государственности. Топос Сибири здесь воспринимается как трагический хронотоп. Эта особенность ярко проявляется в таких стихотворениях поэта, как «Хәзинә» («Богатство»), «Күңел елый» («Душа плачет»), «Булмас бүтән уңай вакыт» («Не будет другого удобного случая»), «Ни диим» («Что сказать») и др. Прошлое Сибири – печаль сегодняшних дней, заявляет поэт. В стихотворении «Сазлык» («Болото») поэт размышляет о будущем страны, где основной идейный замысел произведения вложен в последние строчки стихотворения, которое заканчивается риторическим вопросом: «Такое болото только одно ли,/ Много ли их?/ Кто знает?/ Утонет ли народ в счастье/ В такой заболоченной стране?» Таким образом, события прошлого

поэтом оцениваются с позиций современных представлений. В стихотворении Ш. Гадельши «Бармы ирләр?» («Есть ли мужчины?») исторический герой хан Кучум предстает в роли национального идеала. В таких стихах соединение исторических образов с реальными событиями и судьбами формирует представление о взаимосвязи прошлого и настоящего нации.

Трагическая история края высвечивается в творчестве Ш. Гадельши через изображение топоса и порождает противоречия в оценке поэта. Например, в стихотворении «Себер диләр аны, Себер…» («Сибирью называют ее, Сибирью…»), с одной стороны, подчеркиваются богатство края, древность его истории, героизм прошлого, с другой – досадность некоторых исторических страниц, неизвестность будущего: «О, сибирский татарин, что сказать?/ Лишь для того, чтобы только Ермака, Кучума/ Оставить в истории,/ Родился ты на этот свет?» [1, с. 282]. В таких стихах сибирский топос является смысловым, организующим центром текста. Обращаясь к Сибири, поэт как бы хочет «достучаться» до сибирских татар, которые безмолвствуют, когда грабят их леса, у бескрайней некогда тайги появился чужой хозяин, который неумолимо истребляет ее.

Таким образом, в творчестве сибирско-татарских поэтов в масштабе хронотопа происходит постоянное совмещение мотивов «современного» и «исторического», «индивидуального» и «всеобщего», «однодневного» и «вечного». Историзм мышления позволяет поэтам поднять проблему самоопределения человека в мире. Историческое время для рассмотренных здесь поэтов Сибири заключает в себе особый сакральный смысл, который базируется на вневременных нравственно-эстетических ценностях. В произведениях Ш. Гадельши и Б. Сулейманова высвечены позитивные и негативные тенденции развития общества, затрагиваются многие актуальные проблемы, присущие региону.

Summary

F.S. Sayfullina. Transformation of national world imagery in modern Siberian poetry.

The article examines the specifics of Tatar traditional literary worldview in Tartar-Siberian poetry of Bulat Suleimanov and Shauckat Gadelshi.

Литература

1. *Сөләйманов Б.* Мин себер татарымын: шигырьләр, хикәяләр, мәкаләләр / Н. Йсыпованың кереш сүзе. – Екатеринбург: СВ-96 нәшр., 1998. – 256 б.
2. *Гаделша Ш.* Аучы җыры. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. – 383 б.

Поступила в редакцию
16.10.07

Сайфуллина Флера Сагитовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой татарского языка, литературы и методик преподавания Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева.

E-mail: *ktat@tgpi.tob.ru*